ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФОРМА ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

М.М. Пинчук, *магистрант*
Научный руководитель: *С.Н. Овчинников, канд. юрид. наук, доцент*
Владивостокский государственный университет
(Россия, г. Владивосток)

DOI:10.24412/2500-1000-2025-10-2-317-321

Аннотация. *Современный период социально-правового развития характеризуется если не кризисными, то, во всяком случае, разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, Россия формирует самостоятельную (евразийскую) правовую систему, с другой – российское общество оказывается под давлением множества деструктивных процессов. Однако общая тенденция состоит в росте запроса именно на правовое решение возникающих социальных проблем. При этом первоочередной задачей оказывается вовлечение в правовое общение как лиц, недавно получивших российское гражданство, так и лиц, трудящихся в России без его получения. В этой связи проблемы правового воспитания становятся неотложными и требуют качественно новых решений. Объект исследования – вопросы юридического образования как формы правового воспитания.*

Ключевые слова: *правовое воспитание, юридическое образование, правовое образование, этапы юридического образования, виды юридического образования, принципы юридического образования, дистанционное образование, онлайн-обучение.*

На официальном уровне тезис о правовом образовании как средстве правового воспитания был поставлен в программном Указе Президента РФ от 06.07.1995 №673, согласно которому развитие системы правового воспитания, в том числе укрепление системы юридического образования и юридической науки – стало рассматриваться в качестве одного из основных элементов концепции всей правовой реформы в России (абзац одиннадцатый пункта 2 Указа [1]). В некоторых нормативных правовых актах этого периода два названных понятия (правовое образование и правовое воспитание) ставились как равно уровневые (раздел VII Концепции правовой информатизации России, утв. Указом Президента РФ от 28.06.1993 №966 [2]).

По одному из наиболее приемлемых определений, «под юридическим образованием понимается процесс и результат познания государственно-правовых явлений и овладения основами юридической профессии» [3, с. 34]. Возможным также представляется определение И.А. Демидовой: «непрерывный процесс становления в ходе правового воспитания и правового обучения социально значимых коммуникативных и личностных качеств в правовой сфере, что призвано обеспечить правовой прогресс общества и формирование правовой компетентности личности» [4, с. 116].

Помимо юридического образования как формы, как процесса и как результата правового воспитания, его можно определить как особую сферу общественных отношений, в рамках которой происходит передача (традиция) всего комплекса ранее достигнутых правовых знаний – с одновременным приобщением к новым условиям и технологиям юридической деятельности. Правовое воспитание оказывается в такой среде лишь одним из аспектов таких отношений, т.е. правовое воспитание оказывается, в рамках этой образовательной сферы, понятием более узким, нежели правовое образование, поскольку последнее начинает охватывать и организационные, технические навыки, психологические навыки, навыки методологического мышления. Иначе говоря, включенность в подобную (при условии её качества) образовательную среду – формирует не только правовую культуру, но и личность в целом.

Юридическое образование как процесс передачи юридической информации включает в себя три основных этапа правового воспитания:

– формирование правовых знаний;

– формирование умений, т.е. способностей к практической юридической деятельности;

– формирование профессиональных юридических навыков как результата юридического образования, позволяющего перейти к повседневной юридической деятельности сразу по его завершении.

Эти этапы юридического образования отражают также и этапы закрепления в обучаемом правовой культуры как результата правового воспитания.

С точки зрения содержательного подхода, в литературе уже предлагается различать «юридическое образование» как образование, связанное с восприятием правового материала, и «правовое образование» [4, с. 113], как образование, обусловленное необходимостью восприятия формирующимся юристом всех организационных, психологических, коммуникационных, технологических (в том числе – цифровых, включая работу с искусственным интеллектом) особенностей юридической деятельности.

Как отмечалось выше, юридическое образование само по себе может и не быть связано с педагогическим или пропагандистским воздействием, то есть сопровождаться только формированием когнитивных навыков применения права – без формирования морально-нравственных убеждений, однако само по себе усвоение правового материала не может не сопровождаться личной оценкой воспринимающего его субъекта. Однако чаще всего юридическое образование, наряду с информационной функцией, выполняет функцию воспитания, формирующего в сознании обучающегося морально-нравственные и этические убеждения.

Еще одно отличие юридического образования от правовой пропаганды состоит, или до сих пор состояло в его объектной направленности. Если правовая пропаганда направлена преимущественно на массу населения, на социальную группу, коллективного субъекта, то юридическое образование – напротив, направлено преимущественно на индивида и не может не учитывать индивидуальных особенностей обучаемых.

Как форма правового воспитания, юридическое образование может быть двух видов: 1) специализированное, то есть среднее специальное, высшее, послевузовское и 2) неспециализированное (дополнительное), но в обоих случаях оно предполагает:

- познание правового материала (нормативных правовых актов, судебной практики и научной литературы);
- систематизацию юридических знаний;
- наличие определенной образовательной концепции;
- следование определенному концепцией плану (программе) обучения;
- применение вытекающих из принятой концепции и плана методов, методик обучения педагогического характера.

С точки зрения структуры объектов, правовое образование – повторяет правовое воспитание: оно может быть направлено как на группу лиц, так и на индивида, в последнем случае значение имеют методические приёмы, отражающие индивидуальный подход.

С.С. Алексеев выделял в юридическом образовании такие принципы, как непрерывность, последовательное усложнение материала, сочетание правовой теории с прикладными отраслями, сочетание общеправовой подготовки и предметной специализации обучаемого [5, с. 221]. Однако представляется, что значимым принципом является также преемственность правового образования, которая может быть обеспечена передачей традиций не только получения знания, но и его преподавания, передачей традиций организации юридической работы и традиций юридической этики. Представляется, что принцип преемственности следует рассматривать как базовый, «метапринцип» юридического образования, способный обеспечить соблюдение всех названных выше принципов.

Помимо названных, в литературе упоминаются также принципы сочетания образовательных инноваций с традиционными методами, а также упоминавшееся требование связи функции обучения с функцией воспитания [6, с. 109-110].

Думается, что включение инноваций в традиционные методы преподавания права, хотя и входит в содержание принципа преемственности юридического образования, всё же, является не столько требованием, сколько условием актуальности образовательной информации. В то же время не всегда инновационные методы, оторванные от традиционной подачи юридического материала, оказывают-

ся эффективны: специалисты говорят о деградации юридического образования, основанного исключительно на дистанционных технологиях, без связи с квалифицированным преподавателем. На это обстоятельство в образовательном процессе обращают внимание даже выдающиеся учёные в области права. В частности, С.А. Авакьян указывает, что «дистанционный форма обучения существенно ограничивает возможности для неформального общения и обмена опытом, которые играют важную роль в профессиональном становлении будущих юристов» [7, с. 456]. На «важную роль» личного общения в процессе становления профессионализма юриста указывает и В.Д. Зорькин [8, с. 345]. Между тем, для дистанционно обучаемых существующие методики образования не позволяют сформировать такие компетенции, как полемическая аргументация, ведение дискуссии, работа с обратившимися заявителями (посетителями, клиентами), анализ содержания правовых документов. Еще одна группа проблем дистанционного юридического образования – невозможность проведения игровых уроков (например, наиболее типичных - «судебных заседаний»). Дистанционное обучение ограничивает не только общение между обучающимися, но и с преподавателем, который лишается возможности индивидуализированного подхода к студенту. Для преподавателей становится практически невозможным установление с обучаемым какого-либо психологического контакта, удерживать внимание аудитории (в случае чтения лекций дистанционно) и вообще видеть какую-либо обратную связь (степень понимания лекционного материала обучаемыми) с аудиторией. Крайне сложной становится и проверка полученных знаний: очевидно, что налаживание качественного контроля за лицом, сдающим экзамены, тест или письменную работу - дистанционно почти невозможно (хотя в литературе и отмечается «проблема идентификации пользователя при сдаче экзамена» [9], на самом деле, она должна рассматриваться более широко – как проблема неправомерного содействия пользователю). Кроме того, целесообразная обычно для письменной работы защита этой работы перед преподавателем – также не позволяет ему полностью, при дистанционном способе общения, выявить реальные знания учащегося. А.А. Коноплянко и Н.И. Болтянская обращают внимание также на феномен «неявных знаний», т.е. знаний о некоей модели работы и внепроцессуального поведения юриста, которое передаётся вместе с личным общением, наблюдение за деятельностью компетентных специалистов [10, с. 653]. Обобщение существующей критики дистанционного образования приводит к выводу, что «отсечение» личного общения в образовательном процессе студента пока не компенсировано какими-то особыми технологиями (например, искусственным интеллектом), которые бы позволили обосновать преимущество или даже равнозначность замены этой формой образования хотя бы образования заочного (где общение с преподавателем всё же происходит). Исключением из этого вывода может быть лишь такая форма, как второе высшее, которая предполагает сформированность коммуникативных и профессиональных навыков в личном общении и способность студента развивать их. Однако и в этом случае под вопросом остаётся формирование, как представляется, главного результата юридического образования: юридического типа мышления. Тем самым возникает ещё один вопрос: насколько соотносимы экономия ресурсов, безусловно достигнутая в дистанционных технологиях, с падением качества юридического образования, неизбежно сопутствующим дистанционному формату обучения.

Несколько отличается от дистанционного «онлайн-обучение»: оно предполагает взаимодействие с преподавателем (а в некоторых цифровых площадках, таких, как Zoom, Microsoft Team – и коллективное взаимодействие с однокурсниками), но существо цифрового, дистанционного отчуждения – проявляет себя и в этой форме: «заинтересованный блеск в глазах, сосредоточенная тишина аудитории, когда ловится каждое слово и жест преподавателя – это те моменты, которые наполняют работу педагога подлинным смыслом... Преподавательская деятельность... не сводится только к технике подачи информации, не менее важны невербальные каналы» [11, с. 248] – справедливо полагают многие специалисты. Однако проблема – в том и состоит, что «мягкие навыки» передаются преимущественно невербальными каналами.

Ещё одна проблема – тестовые формы проверки знаний. При всём совершенстве логики поставленных вопросов и соответствия им предлагаемых ответов (которого удалось достичь не сразу), то, что преподаватель на экзамене мог бы добиться от обучающегося уточняющими вопросами, оказывается за пределами формальных результатов тестирования. Иначе говоря, обучающийся может знать материал, но неточно ответить на поставленный в тесте вопрос в силу самых разных обстоятельств. Не менее важна и обратная сторона: обучающийся может не знать сдаваемый материал, но посредством интуитивных предположений – смочь выбрать правильный ответ. Подобное незнание, разумеется, легко вскрылось бы у экзаменатора-человека, но экзаменатор-робот может лишь «проставить галочку» в тесте. Наконец, всё сказанное не касается случаев, когда обучающийся использует помощь «со стороны», т.е. помощь «со стороны», поставляемую посредством тех же электронных технологий. Это может быть как покупка ответов на уже известные вопросы тестов (наиболее простая и типичная форма обмана на экзамене), так и прямые подсказки третьих лиц непосредственно в период тестирования. Данный вызов, общий как для дистанционного, так и для онлайн-обучения, до сих пор не имеет адекватного ответа: надежда остаётся лишь на добросовестность самого обучающегося, а следовательно, вновь можно заключить, что такое обучение целесообразно проводить лишь в отношении лиц, платно получающих второе высшее образование. Специалисты делают общие выводы о том, что дистанционное тестирование снижает объективность выводов о реальных знаниях учащегося [12, с. 139], но меру падения качества юридического образования при дистанционных технологиях определить вряд ли возможно.

Наконец, для обоих инновационных форм юридического образования значимо также изменяется качество преподавательского состава. Данный процесс также является объективным. Дистанционная технология предполагает перенос «центра тяжести» в образовании с личности, квалификации и добросовестности преподавателя – на качество методических материалов. Иначе говоря, квалифицированный, добросовестный и способный «зажечь» студентов преподаватель - оказывается не нужен образовательной системе, построенной на методических пособиях и формализованных тестах, «вымывается» из нее и замещается специалистом с организационными способностями, умением пользоваться компьютерными программами и навыками работы в цифровой среде, но – постепенно, с распространением дистанционного обучения – утрачивающим педагогические способности. Это изменение влечёт еще одну, пока не проявившуюся, но неизбежную проблему – формирование личности юриста, хотя бы и высокоспециализированного, но беспринципного, не усвоившего вместе с юридическим знанием необходимых этических и морально-нравственных норм. Нельзя исключать, что борьба с этой проблемой может затребовать значительно больше ресурсов, нежели были сэкономлены при переходе на дистанционный формат обучения.

Библиографический список

1. О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 06.07.1995 № 673 // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7084/.

2. О Концепции правовой информатизации России: Указ Президента РФ от 28.06.1993 N 966 (ред. от 22.03.2005) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98561/.

3. Мухаммедов Х.М. Роль юридического образования в правовом воспитании молодежи на современном этапе / Х.М. Мухаммедов // Евразийский союз учёных. Серия: экономические и юридические науки. – 2021. – №4. – С. 32-38.

4. Демидова И.А. Правовое образование и правовое воспитание: теоретико-юридический аспект / И.А. Демидова // Общество и право. – 2021. – № 2. – С. 112-117.

5. Алексеев С.С. Введение в юридическую специальность. – Москва: Юридическая литература, 1976. – 256 с.

6. Чудинов О.Р. Формирование правовой компетентности студентов технического вуза /

О.Р. Чудинов // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2013. – №7. – С. 109-110.

7. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 912 с.

8. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. – М.: Норма, 2019. – 592 с.

9. Киргинцева Н. Плюсы и минусы онлайн-обучения / Нэлли Киргинцева // МТС ЛИНК: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mts-link.ru/blog/online-obuchenie-plus-minus/.

10. Коноплянко А.А. Недостатки использования дистанционного обучения при подготовке юристов / А.А. Коноплянко, Н.И. Болтянская // Технологии современного образования: материалы международной конференции, Минск, 24-25 октября 2024 г. – Минск: БНТУ, 2025. – С. 651-657.

11. Галеева Г.Р. Актуальные проблемы онлайн-обучения юристов / Г.Р. Галеева, С.В. Дубовиченко // Образование и право. – 2020. – №8. – С. 246-251.

12. Уткина Е.Е. Проблемы развития дистанционных технологий в образовании / Е.Е. Уткина // Экономика сегодня: современное состояние и перспективы развития. – Москва: ФГБОУ ВО РГУ им. А.Н. Косыгина, 2020. – С. 136-140.

LEGAL EDUCATION AS A FORM OF LEGAL EDUCATION

M.M. Pinchook, *Graduate Student*
Supervisor: *S.N. Ovchinnikov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Vladivostok State University
(Russia, Vladivostok)

Abstract. *The current period of socio-legal development is characterized, if not by crisis, then at least by multidirectional trends. On the one hand, Russia is forming an independent (Eurasian) legal system, while on the other hand, Russian society is under pressure from numerous destructive processes. However, the overall trend is towards an increased demand for legal solutions to emerging social issues. At the same time, the primary goal is to involve both individuals who have recently obtained Russian citizenship and those who work in Russia without obtaining it in legal communication. In this regard, the problems of legal education become urgent and require qualitatively new solutions. The object of research is the issues of legal education as a form of legal education.*

Keywords: *legal education, legal training, stages of legal education, types of legal education, principles of legal education, distance education, online training.*